

Виктор СТРЕЛЕЦ

Вольный перевод с соловьиного

Тольятти 2020

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5

С 84

С 84 **Стрелец, Виктор.**

«Вольный перевод с соловьиного». / Виктор Стрелец –
ОТО г.о. Тольятти “Тольяттинская писательская
организация”, 2020. – 128 с.

ISBN 978-5-98147-157-5

«Вольный перевод с соловьиного» – пятая книга члена
Союза российских писателей, тольяттинского поэта Виктора
Стрельца. В книгу вошли стихотворения разных лет.

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ
и
Союза российских писателей

(16+) В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-98147-157-5

© В. Стрелец, 2020

© ОТО г.о Тольятти “ТПО”, 2020

МАРШ ВАРВАРОВ

...Мы варвары, да – антиподы распада.
Нет в нашей крови меланхолии яда.

Вы – гордиев узел, погрязший в нюансах.
Вы – плод перезревший, а мы – ваш диагноз.

Вы – вакуум. Оцепенения чары.
Мы – полные хмеля победные чары.

Приходим и полним гореньем и жженьем
ваше небытие, ваши лица, и женщин...

Предметы и вещи, убитые вами,
мы переименуем своими словами.

Мы – праздник дразнящий, кровавая свадьба.
Вы – праздность, вы – призрак, музейная свалка.

Ваш ум, обращённый вовнутрь, как улитка,
повязан, как пьяный, не вяжущий лыка.

Вы – кодекс, параграф... Мы – орды, мы – джунгли,
взор орангутанговый, угри – как угли...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВУЛКАНУ

...Вулкан Эйяфьятлайокудль,
на наши головы откуль
такая кара, пепл да угль?

Язык ломаешь – божий страх –
и котировку акций страх-
компаний... В общем, дело швах.

Зал ожидания – капкан!
Зачем проснулся ты, вулкан?
С цепи сорвавшийся Полкан,

озорно лайай до Балкан...
Что график, план, Тертуллиан,
канкан?.. Бай-бай, великий Пан!

Аэропорт и материк:
– Бай-бай, Людовиков парик.
Ужо тебе чадить, парить!..

Рууд Гуллит, Гулливер ли, Google:
– Угомонись, ядрёна кудрь,
вулкан Эйяфьятлайокудль!

Бай-бай! – краснознамённый хор
Гоморр-Содомов, терпсихор,
тюльпанов красных – выше гор.

– Бай-бай, вулкан! – и мал и стар...
...Земля несётся в Млечный жар –
сдувающийся детский шар...

1

...Меня родили – не спросили.
Не где-нибудь, а здесь – в России.
Она уже жила-была.
Такого года и числа.
И века тож. В ущербном марте.
С месторождением на карте.
Вокруг таилась и вилась
причинно-следственная связь.
Лицо до самых до окраин
земли в глазицах тараканых
смеялось... Бедный Мандельштам.
О, как он мёрз, бедняга, там...

2

...Эти пашни – как заплатки
телогреечки неновой.
Что тебе мои заплачки,
что тебе мои миноры?

За колёсным перестуком
профиль каркает грачий,
словно с отключённым звуком...
Что тебе мои зачины?

Голубой небесной тали,
как глаза – полны, налиты –
впадины, овраги, дали...
Что тебе мои молитвы?..

...Сосулек – ах – оскалы да
прибой из-под колёс –
весна меня касается
каким-то боком тож.
Слепя, сживая со свету,
устаревая так,
на нет сводя, на постные
дни. Светофор – синяк,
кровоподтёк. О, господи,
тюрьма да кутерьма,
лупи, капель, по косности,
уничтожай меня...

...Проснёшься по инерции
в бессмысленной эрекции,
заотдаёшь отчёт –
взаправду всё течёт –
звенит, поёт – угодно ли
иль нет – держи, лови...
О, противоугонные
стальные соловьи...

БОЛЬНИЧНЫЙ ТРИПТИХ

1

...Ворона радуется: – Ма-арт!..
Мотаясь на качели ели.
Извечный этот авангард
дамокловой капели...
До слёз наполнит небо взгляд...
Ты тоже как ворона рад,
не вынося чувств на люди,
неся сдавать анализы...

2

...очнуться наобум, на храп
соседский ошуюю –
на барабанный бой, парад
капели... Существую...
Поскольку думаю – Декарт
Рене – ума палата.
На именно такой расклад:
больничная палата,
конвейерные этажи,
постели одиночки...
На совпадение души
и бренной оболочки.
На право-лево, низ да верх
пространства, где медсёстры –
ах, снова женщины теперь...
...Сушу глаза, как вёсла...

3

...Стоял, вспоминаю: восторги ворон
да перекуривающий Харон...
А это был дворник – я понял вдогон...

...Лес талой сыростью знобит,
под кроны ступиши осторожно –
земля испуганна что кожа,
с которой тихо сняли бинт.
Еще осинник пуст как дом
запущенный и всюду осень
джинсовая... Ах, гончим псом
быть или гоголевским Носом –
чтоб кровь пришпоренная – у-ух –
вразбег – и утончённыйнюх –
вразгон, в висок, и краску щёк –
на первый сон-травы цветок...

1

...Глянешь на окно – метель,
выглянешь – газоны ксят –
ах, бригады времирей –
зимовёснолетоосень...

Волос ни один с меня
просто так (...GARNIER...) не падает...
Всё путём – путём зерна,
половым, воздушно-капельным...

2

...Отличное оно,
окно, изобретение.
Я выгляну в окно,
и ахну в изумлении.
Ещё вчера была
зима здесь и... сплыла...
И подобрали дворники
её сучки, задоринки
(...с щипцами змеев!)...
И просто нету слов
оформить очевидное
в структурку, рамку, сеть,
и остаётся, видно мне,
таращиться, глазеть
на то, как разбегается
прочь-прочь из-под пера –
о, ямбы, амфибрахии –
вся эта детвора –

из поля глаз – играючи –
собаки, короны, граждане,
вороньи, облака,
и день, сверкая гранями,
и прочье мироздание –
вразлет – пока, пока...
А там – с благословения
каких-нибудь Астарт –
вовсю трава забвения
даёт весёлый старт...

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

...Коктейль солнца, задниц...
Валяюсь, жарюсь, зарюсь.
На радость тихо зариться,
скажи, кому пожалиться?..

2

... – Я плачу – овечка Долли:
зачем в эти светы дня
и в эту юдоль боли
вы выпустили меня?..

3

...О, Русь, куда несёшься ты –
с «мигалкою» болид?..
Душа как у уборщицы
болит, болит, болит...

4

...Торопливое подошв
шарканье. Гуденье
злых машин. Спит в парке бомж
как Адам в эдеме...

5

...Кантуюсь: читаю Канта.
Тебе бы такой кант!
Без понта и не для канта.
Теперь он мне кент – Кант...

6

...Мир сидит в глобальной луже.
Соловьи поют всё хуже.
Едет крыша прочь от сих
гей-парадов голубых...

7

...Этот серенький наряд,
щёлканья и цоканья,
горла гибельный напряг,
точно у Высоцкого...

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
С СОЛОВЬИНОГО

1

...Кути до третьих петухов!
Кути, крути и после третьих.
Красив озон предгрозовой
мельканием опасных лезвий.

Мельканием опасных бритв
у горла певчего. И будто
петлёю песня норовит
удушливою обернуться.

Сюжет: не роза, а гроза.
И соловей перед грозою.
И отливаются раза
рулады пулей роковою...

2

...Что поётся соловью?
Что-то вроде «i love you».
Что-то вроде в этом роде,
в переводе: я люблю...

Он поёт... нет, не поёт –
из меня верёвки вьёт –
очень нужные в народе
вещи – вольный перевод.

Обернулось в соляной
столп, что лотовой женой
было – что-то вроде оды
соловьиной за спиной

зазвучало... Я стою,
соловея... Дежавю...
И ежу без перевода
смысл ясен: нюни лью...

Сольный номер жизнь твоя.
В этом соль – поёт – ловя
души. Пляшет, хоровода,
всё от печки соловья.

Потрошится – чешуя
рыбья валится, юля.
Требухой – сиреней грозди –
скотобойня – бишь, а ля...

Не жирейте, как свинья,
песня и душа моя.
Любят эти Нессельроде
жареного соловья.

Соло соловья с трубой
да чадящей городской,
с бузиною в огороде...
О, подстрочник нищий мой...

...Спешки уличной пешки мы
да отрешённых мин.
Ностальгией нездешнею
душу рванёт жасмин.

Безнадёжной тоской такой
взмутит до тошноты:
в потоке людском – Раскольников,
сжегший свои мосты...

C.

...Откуда пыль берётся?
Устала с ней бороться.

Ах, милая, всё — пыль:
империи и пыл...

Прах, тлен, аннигиляция —
читай Экклезиаста.

Он тоже был зубаст
сперва — Экклезиаст.

Пыль — вечности зевота.
Глянь, как она смеётся,

купается в луче...
Над нами в том числе.

И что ей руки в боки,
прищуренное око,

да твой энтузиазм?
Он прав — Экклезиаст.

Что противопоставим
в зевоте этой самой

мы, тонущие... SO-O-OS!..
Как просто: пы-ле-сос...

(альбомное)

... В Вашем имени – синие ирисы
и сирени. Сирены и сирины,
и эринии... Рынок, герань...
Ирокезы раскосые с косами.
Плюс Ираклий в усах... Злыми осами
митингующий Тегеран.

Тир... Тиран... Ким Ир Сен... Сирый Сириус...
Ах, верблюды – последним усилием –
сочтены... За-сы-па... у-ми-ра-
ю зубрилою в Кирове –
сиречь Вятке... Повязанный гилями,
хан Гиреями et cetera...

Иеремии скорби... Сознание
гаснет лампочкою... Православные
сеет крестики (...мирра...) сирень
за моими закрытыми веками –
как за скобками – окнами, ветками –
напролёт – день и ночь – ночь и день...

1

...Бессонница – ты жалко
раскрытие глаза.
Да словно попрошайка
на паперти – душа.

Ты – голосок-подлизы
из-за плеча: ку-ку,
мол, удалось подгрызть, а,
листочек червяку.

Мол, заплатил налоги,
и спи без задних ног...
Зарыться с головою
в подушку как в песок...

2

...О, эта отрава ночи!
Когда не глаза, а очи
распахнутые на храп
вселенский. Глуха гардина.
«Гордыня» сия картина.
Свеча – и фламандский мрак.

Верней, не свеча, а лампа.
Бессонницы честная лапа.
Вернее, не лапа – ладонь.
Всё как на ладони ясно...
Не будем, душа, бояться –
всё встретим как надо, ладом...

1

...Дымы над домами с каким-то укором:
ах, скорые больно — ко всем этим «скорым»,
пронырам пространства. Зло копотью тщится
своей выхлопною глухой тракторишка.
Домашние гуси да куры, да утки —
немое кино — отключённые звуки.
Лоснящийся грач в растаращенном оре...
А там, где-то там, триумфальное море.
Колотятся по-лобачевски колеса.
А мы по-евклидовски остаемся —
сады, тополя — обреченно покорны.
Весёлые кроны, угрюмые корни...

2

...Мераб Константинович констатировал:
память — место занятое в сознании...
Я бы добавил — в душе.
...Райский сад моей юности... Голоса родителей...
Читаю под яблоней... Всё — ещё, не — уже.

Читаю исследование М.П. Алексеева
стихотворения Пушкина — то навзничь, то ниц.
То сосредоточенно, то рассеянно...
Удивляясь наивно эдакой прорве страниц,

посвящённых лицейскому стихотворению:
«Где наша роза, Друзья мои...», —
передвигаясь ложем за ускользающей тенью...
А розы жарко как раз цвели.

Чтенье, в сущности – нудное и усыпляющее.
Но я вгрызлся в страницы как собака в кость,
а может, в соломинку для утопающего,
и всё, в итоге, отозвалось.

Нашлось местечко в сердечной памяти.
Как там всё солнечно и горячо.
Как непредсказуемо с веток яблоки падали,
перекликающиеся родители были живы ещё...

СЧИТАЛКА

1

...Две эпохи: «бард-ломбард».
Каин Авеля – брат брата.
«Раб и бар»... Есть что-то, право,
в этом – см. философ Барт.
Значит – принимаем лом.
Против лома – все облом.
Клара саксофон у Карла
по фамильи Маркс украла.
Но не оплошал и Карл:
тоже, помнится, украл
для пролетарята хлеб...
Бедные Борис и Глеб...

2

...Кеплер написал трактат:
у снежинки шесть углов.
Я проверил: это так,
нечем крыть и нету слов.

В очереди за спиртным
мы стоим – Хиероеним
Босх – см. – собранье рыл
снег демократично крыл:

норок, кроликов, ондатр...
Кеплер написал трактат.
Снег лирически кружил
и режим ещё был жив.

Я – покорен, тих, бескрыл –
про себя кого-то крыл
и считал углы. Их шесть,
подтверждаю, так и есть.

Как сказал Экклезиаст:
всё пройдёт... Но мой улов
тот же всё и результат:
слава Богу – шесть углов...

...В дни страстной седмицы бедной
всё прихорошится эдак.
Как потёмкинским деревням,
гетры выбелят деревьям
ЖЭКи. Гладится по шерсти
всё теплом. Куплюсь на жесты,
и пойду не по расчёту,
чтоб подставить солнцу щёку,
и другую тоже... Боже,
жизнь, ты режешь без ножа,
да и просто режешь тоже...
Я иду, дабы нога
не давила ненароком
на асфальте неким роком
красненьких жучков знакомых
в сладострастье насекомых...

ОБЪЯВЛЕНИЕ

...Карты, хиромантия –
полная гарантия:
мужа в лоно возверну,
соответственно – жену.
Сглаз, проклятье, приворот –
налетай, честной народ!
Всех от одиночества
исцелю да прочего.
Налетайте, Машки,
гадаю на ромашке!
...Смотрит Вера Павловна
свой десятый сон –
всякий в нём за баловня,
счастлив да влюблён.
...Предскажу – не хуже –
на кофейной гуще...

...Кукушка в мокрой чаше,
внезапная как счастье,
как детская игрушка...
Стою, развесив уши,
да паховую грыжу.
Так слушает, да – крышу
и мирозданье челядь –
отвиснувшая челюсть.
Ах, радужным весельем
просвеченная зелень.
Груз капель, что на грани...
Уроненные длани.
Всего-то инструмента:
гортань да клапанок
нехитрый преткновенья –
стою, не слыша ног.
Так вот оно откуда –
кукующее чудо...

Ю. П. К.

...Сумрачный взор византийских икон
или банальный похмельный синдром.
До скоморошьего ль смеха,
коли всё выставлено на кон...
Щучит Егорий своим копиём
бедным гламурного Змея...

1

...Жизнь настоящая,
где ты – заочная?..
Это щемящее
чувство обочины.

Форвард в забвении
просит на водочку.
Это похмельное
чувство обочины.

Под небесами все
ходим отсрочено.
О, это самое
чувство обочины.

Те обречённые
отчие оченъки
в свете оконном и
чувстве обочины...

Тает рассеянно
золото осени.
Это шоссейное
чувство обочины.

В общее счастье
верю не очинно.
В сущности, частное
чувство обочины.

Пахнут сиренями
звёзды полночные.
Благословенное
чувство обочины...

2
(на мотив Экклезиаста)

...Все больше молчанья да зренья.
И вроде бы есть возраженья.
Но всё — суета суэт.
Мелите своё, Емели,
с трибун, коли ваши недели...
Ах, словно поправка — свет

закатный в лицо — дальней зорькой...
Болезнь моя — дальновидность.
Не глас — очарованный глаз —
(...зрак... злак...) сиротливое око...
Всему своё время у Бога.
...Я слушаю, слушаю вас...

3
...Лежу эдак в позе
почившего в бозе.

Пошарю — не жжётся
женская жопа.

Звёздная бездна.
Сплетая песня...

НАРЦИСС
(вариации на тему)

1

...Зыркала да зеркало —
эта гладь озёрная.
На себя гляжу,
глаз не отвожу.
Загляну ли в речку я —
тоже безупречный я.
Кто меня обрёк
на такой оброк?
...Слепота подземная
кrotkого крота...
Жизнь моя, ты зеркало —
смертные врата...

2

...На фронтоне дельфийского храма
надпись встречная вроде капкана,
мол, узнай, человече, себя,
я твоё отраженье: судьба.
Продерись, как сквозь тернии, к звёздам.
Совпади сам с собой — божьим...

3

...Ах ты милая моя Эхо,
так тоскливо моему эго —
заблестят глаза твои
злой обидой,
будто зеркалом в куски
мной разбитым...

4

...Россия, ты комната смеха,
где гоголевское эхо
запуталось в зеркалах
и мечется — сумасшедшее...
Скучающая геометрия
евклидова — в двух шагах...

5

...Cogito, ergo sum, —
из памяти, как из сейфа.
Боже, при чём здесь ум —
существую, коль селфи.

Сытые за глаза
(как не стерпит бумага)
вытошнят зеркала
нас однажды обратно...

1

...Ниша Христа – крест.
Ниша Иуды – осина.
Жизнь – это оркестр.
Занимай свою нишу, разиня.

Хватит на всех мест.
Не тяни же резины:
все вакансии здесь –
от креста до осины...

2

...Верить Богу или оку –
где отверстье от гвоздя?
Верить на слово нельзя.
Сердце горячится сбоку.

Мироздания тоска
(...доверяй, но проверяй...)
иль – запазуха Христа
тёплая – спасенным рай.

Нет спасенья – оком морг –
искупленья – голый морг.
Карамазовский билет.
Окончательный скелет.

Крест могильный, пепел, факт,
акт, прокатный катафалк,
точка... Мать сыра земля...
Господи, помилуй мя...

3

...Банальная мысль: я когда-то умру.
Всё в мире, коне(ш)но, конечно.
Молчать её – эдакую муру!
Она на миру – кокетство.

В *сторону* – коли приходит на ум –
как заведено в спектакле.
И примеряй этот самый костюм
у зеркала – эдак ли, так ли.

Никто не знает своей судьбы...
Впрочем, ядрёна матрона,
все варианты – в горсти у Судьи.
Эка – бином Ньютона.

Коль пораскинуть мозгами: так-так...
Сколько по генам запаса
мне остаётся – ужели пятак? –
срок за хулиганство – и... баста?..

Всё по сценарию: вместо одной
будут две (прочерк) даты.
Жилища жаждущий живой
брэзгливо зайдёт квадраты.

По вере воздам – Иисус говорит.
Что же, понятная тема.
Но будет вопить мой задумчивый вид:
простите за вынос тела...

– Ура! – из пасти патриота.
– Долой! – из глотки бунтаря.
Георгий Иванов

...О, кусанье локтей –
сослагательного наклонения формы!

Ах, ушедшему поезду вслед – если бы да кабы.
Доведи Пётр Аркадьевич свои столыпинские реформы,
не взметнись Россия (конь Фальконе) на дыбы...

А до этого: не стрельни этот самый студент в Сараево
в эрцгерцога Фердинанда – или не попади.

Жизнь наступила бы наверняка райская:
монархическое брюхо да задница как у попадьи.

А еще до этого: не поспи на гвоздях Рахметов.
Не приснись Вере Павловне пшенично-радужный сон,
слух лелеял бы нам день и ночь не паскудный этот
быдляцко-приблатнённый шансон.

Ладно, эрцгерцог... Но окажись император
австрийский мягче нравом, и не объяви войны.
Пётр Аркадьевич выживи, а картавый оратор
дуба дай или ласты к чертям заверни.

Что скорбный взгляд да назад обращённое ухо,
геройская крепость заднего (зад!) ума.
Ах, история – вечно кидающая нас шлюха:
надо платить – красной кровью – а не задарма.

И опять растирашенные знамёна да зенки,
площадной нахрап, хватание за грудки.
На Мономаховы свои шапки по Сеньке
электронные Стеньки поменять эдак не дураки.

Шило на мыло... Всё это было, было...
Что первично: курица или яйцо?
Как в фотошопе – метаморфоза: в свиное рыло
обращивается многообещающее лицо...

...Он над схваткой парящий – ах, демон. Ах, семя Иуды!
На ребёнка глядящий – как на былинку, побег...
Знамёна и флагам нужны полнокровные люди.
Шаг влево, шаг вправо засчитывается как побег...

...Белизна снегов гагачьих
Из вагонного окна...
Oscip Мандельштам

...Мог жизнь просвистать скворцом – пьян и сыт,
и довольный нос в табаке.
Кто тянул тебя, дурак, за язык,
хоть вертелось на языке?

В воздухе было да в головах,
оставалось одно: облечь
ему – не кому-то другому, ах –
в площадную русскую речь.

Вылетело словоневоробей,
написанное пером –
его не вырубить. Оробел
поэт перед топором.

Обрели зловещие вещи слова
названий своих, имён...
А мог бы бочком как-нибудь, чтоб лафа,
но дело идёт о нём.

Дело за номером 41
08. Глотай же сейчас –
рыбий мех телогрейки убитых равнин,
ужас «марусь», «параш».

Тянёт поэзия за язык
поэта – как ни крути –
зовом Судьбы – на конвойный зык,
на Дантовые круги.

Слово положено произнестъ,
смысл обнажить дано,
всё остальное – опричъ, окрест,
зарешёченное окно...

Всё остальное – казённый дом.
Язык – и ясак, смерд...
Разорвано сердце на синий звон –
его не унизила смерть...

Когда для смертного умолкнет шумный день...

A. C. Пушкин

...В компании собственной тени.
Копание, страхи, смятенье...
Бывала не дурой губа.
Невидяще взгляд растиращен.
Листок – точно счёт ресторанный.
И – официантка-судьба...

... Bonjour, ma chere. Живу в своём углу
медвежьем, развлекаюсь, как могу:
игрою, вышиванием, причёскою
a la Ninon. Спасибо за кадриль –
charmant, charmant! – из «Цампы» этой, иль
читаю... Кстати, «Красное и чёрное».

А то одна гуляю до пруда.
Сейчас, мой ангел, делом занята –
пишу тебе письмо – весьма приятным.
Тит, дурень, тащит за рога козла.
Mersi, Параша блонды привезла,
Петр Николаич приучил себя к пиявкам.

По вечерам сидим накоротке –
petit (у фортепьяно) comite:
Мишель – кузен (влюблен в меня), Путяты –
соседи... Разучили, например,
намедни «Стансы»... Как там наш premier
с своею Nathalie femme – женатый?

Кокетка, говорят, коли не б...
Пришли мне, душка, к именинам шляп...

КАЗНЬ АВВАКУМА

...Он, враг, в тебе, а не под Костромой и Тулою.
Молитесь сатане своей трёхперстой дулею.
Прельщение да блуд. Кривлянья скоморошечьи.
А самый главный плут и бес – на Красной площади.

Похабство на уме и пакостное жжение
телес. А всё оне: латиняне да еллины.
Те завещал Христос нам искушенья, братие?
Без духа тело – тож, что без оружья ратники.

Антихрист на дворе – качели всё да шахматы!
Пылает на воре атласом алым шапка-то.
Не тронь меня, стрелец служивый. Разве посоху
обязан наш Отец, ходяще аки посуху.

...Как дивен цвет небес и облака апрельские.
Как (чур, лукавый бес!) Настасьюшины прелести.
Хотя бы постных щец (лукавый, чур!) горяченъких,
(не понуй, стрелец) пока не раскорячились.

Что? – Матерная брань – орудье ваше, встрыска ли?
Господь не этим брал, чреватые подрясники!
...Прощайте, други! Звон – чу... звоны колокольные.
Чу... херувимский сонм согласный... Больно, больно!.. А-аа...

СПЕТАЯ ПЕСЕНКА ДОН ЖУАНА

...Я методом тыка по жизни иду
за истиной голой без страха.
Мои аргументы – гореть мне в аду –
...и плюс обнажённая шпага.

Не верю в бумажную вашу муру.
Но женщина – книга, поскольку
её всю прочитываю беру,
и ставлю обратно на полку.

Признаться, вы правы, месье Поль Гольбах,
и что толстобрюхих стыдиться.
Нет бога – есть пах и прелестный распах
той книги на нужной странице.

Вернее, не книга, а виолончель
и смык разухабистый в руки.
Ах, донна Эльвира, мадам Изабель...
Какие небесные звуки!

Чем не триумфатор Колумб Христофор,
и не Александр Македонский.
О-о-о, сколько родинок-островов
открыл я на задницах доных!

Мой бог – красота. Ей молитвы мои.
Виват междометьям и стонам!
Вот только наутро... у зеркала... И...
и как не бывало дублонов.

Едят все друг друга – моя ли вина –
смотри Хиеронима Босха.
Что есть человек? – У корыта свинья,
а не украшение божье.

Я слышу стенанья и косточек хруст...
Но снова влюблён – донна Анна!
О, рук утончённых вселенская грусть,
изнеженная до рыданья.

На плаху, в петлю, на геенинский костер –
чихать на спасенье и вечность!
Сегодня на ужин придёт командор,
и станет у ложа со свечкой...

...Словно пса́рня какая – чешет город собак.
У бордюров прибой бьётся пенный.
Мягко стелет, юля и ленясь... И в зубах
вязнет скучой дворовой, вселенской...

Наше время горит... И ласкает нас, чад
божьих, уличных, тычется – пепел и чад,
день и ночь, выпадая в осадок,
обтекаючи – горек да сладок...

Гераклитовой неповторимой рекой.
Оторвись от страниц в тополя, как слепой,
расслабляясь – зевака, разиня, –
кто-то тянет и тянет резину...

Или руки ломает, метельно мечась,
ах, сейчас, вспоминая тоскливо, сейчас...
Вот сейчас... И обратно – с размаха...
И где эта зарыта собака...

Поскорее на стрежень, на ветер-сквозняк,
там где автомобили, как свора собак.
Огрызаясь, срывается свора,
как с цепи вдруг, на «фас» светофора...

...Расцвелась в аллеях липа,
застигаючи врасплох.
Ах, не врака и не липа
жизнь на нюх, на выдох-вздох...
Заключается счастливо
что-то в этом роде, типа –
иль подводится черта –
в голове хмельного типа.
Непонятно ни черта...
Ускользает что-то ловко,
как из рук формулировка,
женщина – волною вспять –
из объятий – в каблучочки,
пуговицы да крючочки,
в кофту, юбочку опять...
После праздничного смеха –
грустный призрак эха, эха...
Время, время – о, палач!..
Восвоясих включишь Баха –
ах, на что я убабахо
жизнь свою... Не плачь, не плачь...

...Лето – это веселящийся газон.
Да футбольный. Ты – пока ещё пижон.
Щегольской прищёлк кабацкий: – Эй, гарсон!
В холодильниках – холодный выпивон.

Лето – это – ах! – забвенье холодов.
Что-то мечется под женской блузкой ходуном.
Мир поверхностный, беспечный, голубой,
с ужасающей (цитата: Ницше) глубиной.

Лето – это не Спиноза, а спина
потная, что значит – жив курилка для вина.
Спросят: – Счастье что такое? – Отвечай:
– Чтобы денежки водились и – торчал!

Лето – это мёд цветеня липких лип.
Теснота глазных орбит – сердечный всхлип.
О тосклиwyй – как заклинившиy клаксон –
скорбnyй бред бредущих похорон.

Лето – это середина, а не край.
В простыне, как в крыльях ты – играешь рай.
Зачарованно разлепит губы профиль твой:
– Боже мой, что нынче с нею, что с луной...

...Утро подымает человека
со всею его культурностью.
Первая утренняя сигарета
с удовольствием его прикуривает.

Музыка включает, клацнув клавишой,
хорошее настроение.
Речь – словами типа «здравствуйте» –
обнаруживает вокруг население.

Время-скульптор продолжает ваяние
в соответствии с замыслом.
Собака выводит его на гуляние,
хотя он называет себя хозяином...

(из дневника И. А. Б.)

...Очень скоро пойдёт без меня
этот мир оголтелый и нищий...
Облака над горами за Ниццей
так же розами цвесь от огня
предзакатного будут бессмертно...
И левкой стоять на столе...
...Сон: ограда... церквушка... во мгле
выбираю могильное место...
И холодный блестит Орион
синим-синим бессмертным огнем...
Всё исчезнет: ум, чувства и плоть...
Быть не может!.. Помилуй, Господь...

ВЕСЁЛЫЙ ФОТОГРАФ

Владимиру Мисюку

1

... – Улыбаться, улыбаться веселей!
Ах, улыбка – это знамя кораблей.

Эй, товарищ, вы испортите мне кадр
настроением своим – ну что за кадр...

– Улыбаться! Без улыбки птички мрут.
Все о кэй! Вы безнадёжно мрачный фрукт.

Вы убийца птичек, гражданин.
Только солнце, красота, аквамарин...

– Улыбаться! Грусть – за кадром, за горой...
По-геройски улыбается герой.

С папироской эпохальной да дымком –
остальное за альбомом, за бугром.

Улыбаются на фоне – самый сок –
стен, простынок, да неструганых досок

гимнастёрочки, фуфайки, свитера –
да во что бы то ни стало, на ура...

Счастлив чубчик кучерявый да гармонь...
Ах, возьми тебя, фотограф, угомон!

...Времена иные на коне –
конкурентно улыбаются оне...

2

...Навалился камень на душу.
Безнадёжно, тошно, каторжно...
То ли камень, то ли горб –
буду верен, мол, по гроб.
Выправит могила всех.
Мол, унынье – смертный грех.
Меры надобно принять,
попросту – на грудь принять.
Да ещё налить – ей-ей –
враз скачусь с души твоей.
Наплевать на всё окрест.
Я не камень твой, а – крест!..

...Холостяцкий разбитной дизайн.
Телефон молчит как партизан.

И куда-то тело это надо деть.
Да, лежать, конечно, лучше, чем сидеть.

Уши слышат, вопрошают взгляд.
Хоть какая б позвонила б....!

Ночью просыпаешься – одна
бесполезная таращится луна.

А когда-то рядом женщина была –
словно груша спелая спала,

как ракушка, с семенем твоим...
И не страшно было вам двоим.

...Как прекрасен этот мир – вопит попса.
Прогулять пойти себя по улице, как пса.

Сад так тоскливо шумел...
Иннокентий Анненский

...Луна – что око со слезой.
Шипенье, блеск сухой и злой
матёрых листьев, как прибой.

Шампанских закипанье крон.
Шатание, рывок, наклон...
Шопен и фортепьянный гон.

Чтоб вновь с нуля: монетный звон
сквозь загребущую ладонь.
Ах, жил вытягиванье, стон...

Смятение Помпей – людей
да обезумевших зверей...
В потёмках рвущихся корней.

По горло, по глаза и за...
Озnob луны. Дрожа, скользя,
стоит навыкате слеза...

Если б не был бы я поэтом,
То, наверное, был бы мошенник и вор...

Сергей Есенин

...Совпасть с самим собой,
задуманным судьбой,
созвездиями, Богом –
или сторонкой, боком.

Ни чёрту кочерга,
ни Богу свечка ибо...
Кому сказать спасибо
за это ни черта?

Что проскочил – виват –
ни в чём не виноват...
О, где ты, мой другой,
чтобы совпасть с собой?..

...А когда покажется жизнь что мёд,
вдруг смерть ощерившаяся придёт.
Повлекут под рученьки не кенты,
а два демона лютые, как менты
в вытрезвитель – ад, а не райский сад.
Железом подшпинвая под зад.
На последний суд в Судный час да день...
Пейте кровушку мою – кому не лень!
Очи демонов – огненные круги.
Дубинки, наручники да крюки
слезоточивые всё... Прикинь,
до чего был охочий – собачий сын.
Отвечай таперича – сама тиши –
что стоишь-глядишь-плохо выглядишь?
Всё б тебе, вольному, мёд да гульба...
Подвела тебя раскатанная губа...

Жаннете

...Махровые гортензии цвели
в цвет купороса в дачной той щели.
Рукой подать переливалось море
шампанское, шурша щебёнкой. Весь
реликт советский ВЦСПС,
дышил на ладан чахлый санаторий

с колоннами имперскими. Они
каким-то боком были мне сродни
минорные – а ля «Memento mori»...
Хотел пожить в какой-нибудь дыре
недельку. И нашёл: Гызель-Дере
то место называлося... О, море!

Купанием разменяно оно.
Ах, осинка – на золоте клеймо –
девахи загорелой. Пялюсь тупо,
старатель, добывающий загар,
в волну изогнутую – как дикарь –
на ноги свои бледные что в лупу.

Плевок тяжмашпрома. Да к тому же
старорежимный. Также бывший муж.
Осколок, дребезг рухнувшей Эллады –
и этот блеск поверхностный утех...
Как тяжко мертвцу средь дискотек!..
Короче, было худо и неладно.

Забиться в щель – мамлеевский упырь –
и оглядеться, поумерить пыл,
кося под мужичонку: сумка, джинсы...
И видеть зреньем странным между тем,
сквозь пиршество нагое – как рентген
сквозь плоть – скелеты, черепа, глазницы...

Жизнь задирала, праздником мания,
и отторгая... Не было меня.
Лишь слух и зренье оставались. Пела
и день и ночь индустриальная попса
всё о любви, любви на голоса
по радио – в чужом пиру похмелье.

Душа жива, как душу ни души!
Забился в щель, дыру – чтоб ни души.
В коморку из досок – точнее если –
с дешёвыми обоями. Открыл,
что всё ж не только слух и зренье был,
поскольку занималось койко-место.

Но около и сам не стань. Пошла
жизнь по-курортному – растительно пошла.
И ничего, казалось, не касалось
меня – небрежно ел, купался, спал.
Плюс Гая Транквилла Светония читал –
ещё поверхностнее всё казалось.

Но с миром стала утверждаться связь –
так сходят с карусели, возвратясь
на землю, обретя ориентиры.
Будили громы-молнии грозы,
а на рассвете черные дрозды
на крыше затевали, заводили...

Как ливень, слух лелея, сладко пел!
И тёмный дуб склонялся и шумел.
Не отставала дикая черешня
со спелой чёрной ягодой. Кусты
гортензий бледных рвал из темноты
блеск молнии по-воровски поспешно...

А поутру все устремлялось ввысь –
как души, завивались и рвались
туманы и пары в небесной тяге
навстречу солнцу. Птицы, люди. Те ж,
железом покрывавшие коттедж
да отдохнувшим матом, работяги.

Мы выбирались заспанно на свет.
И оказалось так, что я – сосед,
как в поезде – взаимные соседи:
молодожёнов парочка. Шахтёр
с племянницей – за коей взор да взор, –
и с отроком – как сообщили – леди.

Под хихоньки да хаханьки – чаи
поспешные – в ознобе, дрожи – и
с матрацами надутыми – на службу.
За исключением: шахтёр из Апатит –
7, 8 градусное пиво «Пит».
А солнце – кратковременные лужи.

Вниз – по тропе. Через висячий мост
в аллею – победитель, а не гость –
сквозь арку эпохальную с гербами
(супружница колонн) – рельс полотно
с мазутной жаркой скукой, и – оно:
рабочими зелёными горбами.

Я шёл налево – к старым плитам – блажь, –
а не направо, где культурный пляж, –
подперчивать, горчить уединенье.
Жизнь – солнечная плёночка земли.
И мысли – музыкой возвышенной текли –
смесь умаления да умиленья...

Коктейль вина, вины... Тосклиwyй круг...
Роль «куры-гриль» надоедала вдруг,
я возвращался в углоe жилище,
где пиво «Пит» шахтёр из Апатит
из ваучера пил – народный хит –
и обнимал как плюшевого мишку.

И мы беседовали с ним о том о сём
в беседке виноградной шалашом,
как водится – о жизни и зарплатах...
Как резюме – сводился разговор:
что ловок и находчив он, шахтёр,
какой он молодец и рыцарь в латах.

И дольше века продолжался день.
Лицо от зноя превращалось в мордень,
и в сонь и лень... И скрежетала жутко
цикада на акации. И в лоск
природа хищно поглощала мозг –
цивилизацию индейцев джунгли.

...Как искупленье – вечер и луна...
Из города приехала *она*
(ищите женщину!) с подростком сыном.
Как написал поэт любимый мой:
увидишь раз, и – что-то с головой...
И помнишь вечно взор невыразимый.

Мы собирались как одна семья
под лампочкой. И любовался я
украдкой, за вином простым, повадке
насмешливой уверенности, мол,
любуйся, что ж, коли на женский пол,
мужчины вы, так тривиально падки.

Курила элегантно женский вздор.
Опомнился, как от трубы, шахтёр,
хватаясь племянницы испуганно и немо...
Я в темень уходил, где светлячки –
безумной леди Макбет свечка... И
кружила голова ночное небо...

СТЕНАНЬЯ СТАРОГО ЛЕГАТА

1

...Плачет державный фасад штукатуркою.
В храме Юпитера – кал.
Рыщет, увешанный дикими шкурами,
вшивый вандал, как шакал.

Плачет единственным глазом бессилие
на запустенье и сор.
Ржавчиной плачущий меч мой... Поистине –
кровью смывают позор.

Плачут руинами боги веселия –
горе поверженным *нам!*
Рим – не читается *мир* и вселенная.
Марс – отражается – *срам*.

И не победными кличами – плачами,
воплями полнятся рты.
«Vivere est militare»,* а значит мы
неотвратимо мертвы.

Тацит какой беспристрастной десницею
это запишет в аннал!
Правит торжественной колесницею
неотразимый оскал.

Ты ли, Сатурн, чад своих пожирающий,
дал полномочия им –
этим оскалам, кровавым пожарищам...
Сердце разбитое – Рим...

2

...Среди звучащих неприлично,
рифмующихся магазинов,
что ты высматриваешь лично,
осколок прошлого, разиней?

Реликт в соломенном уборе
коммунистического ига
с железкой ордена – не боле –
и с корочками инвалида.

Глаза мозолишь поколению
обратной стороной медали.
Спасибо партии и Ленину
за наши радужные дали!

Скрипи себе, дедок, протезами,
клади в стакан вставную челюсть,
челюскинец – крой антitezами
бюрократическую челядь.

Тебя разжёывают жвачкою.
Сквозь частокол заморских фаллов
проходишь – весь такою жалкою
фигуркой сгорбленною малой.

Сквозь круглые затылки трутневы –
отрыжка старого режима –
так непростительно натруженный,
живой – развалина, руина...

*Жить – значит сражаться (лат.)

КАФЕ-КУЛИНАРИЯ

Борису Скотневскому

...«Кафе-кулинария» –
начертано снаружи.
Здесь наливают пиво
в реликтовые кружки.

Не то чтоб ностальгия –
не сладче и не горше.
Ну почему такие
не выпускают больше?

Давай с тобой присядем
за этот стёртый пластик.
Здесь дух семидесятых
Генсеком старым плачет.

В согласии с программой
налить попросим белой.
На двести чётких граммов
опять помолодеем...

ЮБИЛЕЙНОЕ

Не высидел дома.
Тютчев, Анненский, Фет...
B. Маяковский

...Языком треплется демократическое знамя.
Февральские ветры обгладывают город.
Владимир Владимирович, не высидел за Вами,
пойду помассажирую похмельную морду.

Слово – полководец человечьей силы – красуется,
дескать, голосуй, а не то к чертям проиграем мы.
Очень много разных мерзавцев тасуется,
ходит по нашей земле и за её гранями.

Конечно, для веселья планета мало оборудована.
Хотя – рукой подать – открылся классный ресторанчик.
Кстати, «Мечта» называется. Если честно – снаружи пока
я там был. Есть ананас и рябчик!

Физически живым быть приятно и мило, право же.
Идёшь-шагаешь, поплёвываешь, сморкаешься.
Правда, живая голова побаливает после вчерашнего.
Живее всех живых на ладан задышал, кажется.

Магазины вывесками будто бы матюгаются.
Хорошо пинать мёртвого льва писакам.
Жизнь прекрасна и удивительна. Отрываются
глаза от неё – как пуговицы да с мясом...

MAPT

1

...Наш бок Земли пригревается солнцем. Воронье карканье, а не накаркиванье похоронное.

Морозно ещё по ночам, но всё — розово, розово!

В розовом свете под глазом фингал
у бомжа нетверёзого.

Как в розовые очки, всё – оптимистически розовое.

В розовом свете в подъезде шприцы

одноразовые использованные.

Драматург Виктор Розов вещает с экрана так розово.

Розово катит по рельсам «груз 200»

с ОМОНом из Грозного.

Мы, как агенты зимы – все творожные рожами.

Авитаминозные, перезимовавшие – розовы.

Розовы лапки у голубя, как отмороженные.

Остановись под берёзовой кроной,

ворона восторженная.

Снег на обочинах, как на плечах тяжесть, но — розова.

Дух воспаряет над картой Земли,

над просторами – здорово!

С небом один на один. Синь — такая порожняя.

Весна неизбежна, как дембель, как крах коммунизма... Розово.

Розовы, радужны следо сугробы (...гробы...) покорёженные,

Обнаруживается — петро — все погребённое, похороненное.

Взгляд невзначай в зеркала в супермаркете брошенный —

— кто это? спросит — застигнутый —

этакий ваденок боже мой

2

...Плавленый глянец сугробов окрест.
В луже – столба телеграфного крест.
Алчная синь. Запустенье, разор...
Ворон взвивается как мародёр
над полем брани. Даёт задний ход
времени лента. И мстит талый кот
зреющим неэстетичным тебе.
Снег авариен, как от ДТП
стёкол осколки... Под соснами стать
да постоять, повзирать, повнимать...

3

...Март – комната смеха. Чумазый троллейбус.
Поверхность смеющаяся: что Лейбниц.
Взор влагой ломает зевотной и ленной.
И всё подкашивается коленкой.

Худые под кожей воды рёбра лестниц.
О, смех гормональный юнцов и прелестниц –
как гогот чудовищный в свете полезном.
И я – освещённый, и мех мой – облезлый,

каблук скособоченный. Тортик нелепый
с игривым верёвочным бантиком – в левой.
А в правой – оттягивающая сумка.
А в голове – подотчтная сумма...

...От зари закатной – грустной, дальней –
комната становится янтарной,
вспыхивая корешками книг.
Озаряются деревья, люди, зданья,
закоулки-уголки сознанья...
грань, порог, цейтнот... загадки миг

сфинксовой. Жестокость в сей минуте
к нам, живым, забывшимся как будто,
выдающим уголь на-гора.
В телевизоре – страда эстрады,
там все бесконечно рады, рады,
как клубящаяся мошкова...

...Как сон иных времён, что снится, длится –
живые уличные лица, лица –
сиюминутной пленкой бытия беспечной...
Но кто-то ходит среди нас
такой ветхозаветный, вечный.
Порхающими бабочками – песни.
Младое племя выбирает пепси.
Луной прокатной пользуется. «Йес» –
как форвард восклицает – счастье весь,
плюс характерный жест... А он, прохожий,
припоминает всё – на что сие похоже:
подобная жара, толпа окрест,
и человек влечит на гору тяжкий крест...

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ

...Тебе сулят такое, край мой отчий!
Задумайся, остолбеней, замри:
рязанские, есенинские очи
исчезнут навсегда с лица земли.

Испепеляющий взор Аввакумов
реликтовый... Их тьмы и тьмы, и тьмы...
Ах, брюсовский чугунный топот гуннов
всё на себе показываем мы.

Суровые суворовские грозы.
Да тютчевская злая бирюза
державная. Да горького пропойцы
родные сорняковые глаза...

ВРЕМЕНА ГОДА

1

...Капелей мгновенья колотят как в темя,
идёт, дескать, время – банальная тема.
Течёт ли. Что деньги да блат.
Разводы – казнись – да круги, да покорных
и скорбных глазниц взор а ля ёрник Йорик.
Глянь в зеркало на «циферблат»,

«табло». Ибо тоже – проходишь в итоге.
И сидя и лёжа – в лохмотьях и в тоге.
Считай, растираешься, ворон.
Темяшат тетере: подводит, как видим,
материя тела. Но есть бодибилдинг!
Ты будешь – железобетон.

Чтоб не растекаться, беря себя в руки,
морденью за кадры, квашнёю за брюки.
Так что же цепляется взгляд
за это наличие – в панике точно,
что в пору вскочить и пробацать чечётку!
Эх, тоже мне, Экклезиаст.

Певец увяданья, ущерба, печали,
распада... Ощер нержавеющей стали.
Восторженной юности брак.
И денно и нощно – весёлая слякоть.
Зачем-то проснёшься по-детски заплакан,
как сна продолженье, во мрак.

В реликтовый ужас и жуть мирозданья...
Сон, в сущности, тоже – потеря сознанья.
Бог ночью снисходит – как тать.
Бди, бодрствуй – мораль. Растворяются мышцы
во сне... Умирал человечески Ницше,
весьма человечески так...

2

...Тополя разлинялись как псы.
Жизнь – песенка в духе попсы.
То пушинки на ветер летят
или времени пепел и чад.

Как от боя часов свысока –
вроде оторопи и столбняка.
Гераклитова эта река
обтекающая сладка.

То мельканье сердитое выуг,
то хандра и ломание рук.
Мы толкаем в колясках детей
прикованных как Прометей...

3

...Всё, в сущности, дело времени.
Некого здесь винить.
Колокол благодарения
в сердце звонит.

Пиршество слуха и зрения –
этот... прощальный вид.
Колокол благодарения
в сердце звонит.

На паутинке солнечной,
кажется, мир висит.
Благодарения колокол
в сердце звонит...

4

...Снег в окнах влачится как титры.
Всё, в сущности, роли да игры.
Ты с пальцами бегаешь к трубке.
Как трак – бигудишки в накрутке.

В оранжевой зыби, поводке
огни. Прозябанье водки.
Канун. Мандаринные корки.
Задами надраены горки.

Как райские кущи – закуски
в тоске по зубовной нагрузке.
Как груда бюстгальтеров – грузди.
И – как умиранье от грусти...

О ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ

...Держусь за печень, держусь за почки.
Враз разберут и – на запчасти.
Потом – в посудину, потом – по почте –
да за «бугор» – ту-ту – за баксы.

Пропал пацан шестого класса
тридцатой школы – болтали бабки.
А обнаружили уже без глаза.
Что вытворяют – а? – за «бабки».

Аналогичный, кстати, случай:
(вывозят раритеты, руды)
таможенник копнул поглубже,
а там... грудей готовых груды!

А давеча – в двадцатой бане –
тип некий, варежку разиня,
как агент, примерялся к Ване,
косясь на то, что по латыни.

Что несгораемые сейфы?
Растаскивают дико, люто.
Я начеку держусь за сердце,
понищенное, но – валюта!..

РЕКЛАМА ТРЕНАЖЁРА

...Врываются в окна шипения шинные.
Зима в водостоки течёт,
иль время сквозь пальцы тоскливые, жизнь ли...
Да здравствует плоский живот!

Все вещи (и камень!) текут переменные –
изрёк древнегреческий рот.
Семь пядей прекрасны во лбу – тем не менее,
да здравствует плоский живот!

Как торт расхватали больную империю.
Здесь всё тебя переживёт.
Как старообрядцы, сгораем под пение:
да здравствует плоский живот!

Конечно, вы правы, Гаврила Романович,
всё вечности бездна пожрёт.
Как пуп мирозданья – Гаврила Обманович –
да здравствует плоский живот!

Ах, небо – ночное, наждачное, звёздное –
чело запрокинуть зовёт.
Накаченный нашими тренажёрами,
да здравствует плоский живот!...

1

... Воздух августовский, *тверёзый*.
Зрелый запах тёмной берёзы.
Беспорядочные стрекозы.
На песке дождевые следы.
Время августовское, густое.
Мир – движение, а не устои.
Удержать его взглядом – пустое.
Даже с искрой случайной слезы...

2

... В тёмном августовском саду
я уснул и проспал звезду.
Над землёю она взошла
голуба, нова, весела...
А потом, над безмолвием сна,
словно руки ломала она.
И во сне я рыдал о том,
что глубоким окован сном...

3

... Ах, сад августовский – прекрасный офсайд.
Цветаевский. Яблок как из лототрона
паденье. И ни баррикад, ни цитат,
а лишь измеренье сверчкового звона –
четвёртое. Этот, трёхмерный, чреват
мир – там, за стеной тишины и покоя.
И небо... небритое как Арафат,
акбар, газават, и всё прочье такое...

4

...От отсутствия ль стен век усталый разлеп.
Трелей... дрелей, сверлящих мозг.
Как из колючей проволоки, постель –
из душных созвездий и звёзд.

Откроешь глаза – застигая разгар
ночи – как сторож Стожар.
Но уже сместился влево каркас
карты неба – утёк, сбежал.

С лаем несутся Гончие Псы.
Медведи ревут ревмя.
Лопатками чувствуешь – на оси
поворачивается Земля.

Яблоки падают там и здесь –
как капли – опять и опять.
Узором созвездий исколот весь,
татуирован до пят...

...На рынке картошкой носы
у местных торговок.
И щёки свекольной красы,
и пальцы морковкой.

Как будто они на весы –
на пасты и соки –
свои нагружают носы,
и пальцы и щёки...

...Уходит зима в водостоки. Отцеживаются
в дуршлаге решёток и люди и улицы.
И ты — макаронина бледная — целишься
куда-то за окна за мутные — курвишься.

Какая-то линька и лень... Мимо Лосского,
куда-то поверх Николая Онуфриевича.
Капельные капли колотят по плоскости,
по косности — слёзы восторга — по нудности.

По графику да расписанью полезному
колотят! Созвездие Овна за Рыбами.
Послушно влачащему лямку троллейбусу
мерещатся всё пряники да со взбрыками.

А комната эта с гантелями пыльными?
Подруга строчит на машинке так яростно,
вдоль и поперёг прошиваючи крылья мне...
...Философ страдал простатитом на старости.

Там светы небесные реют над кронами.
И кладбище мусора всюду покудова.
Как переливание капли ладонями —
ах, божьей коровки ожившая пуговка...

...Мне снится – меня хоронят.
Вот-вот от усердья уронят.

Как будто героя качанье –
щекотно от жути и счастья.

Aх, рамка – ни много, ни мало –
с портретом – всё центр вниманья.

Как там по латыни? О смерти,
мол, помните, планы да сметы.

Гроб – эта подземная лодка,
байдарка, друг ситный Володька.

Уж тёпленький Лёша, товарищ,
в слесарке мне *памятник* варит!..

1

...Уже смотрю на мир как будто гость.
Но злее забиваюсь, словно гвоздь,
сквозь немоту и годы, и тоску,
в жизнь – упоительнейшую доску.

Уже стеною окружает быт.
И зацеловывать твоих обид
глухую бездну всё трудней, трудней
в мелькании непоправимых дней.

Люблю бродить бездомно, точно пёс.
Совать в газетные киоски праздный нос.
Фотографировать глазами, как агент,
людей и облака, и сей момент.

Я потерял, должно, последний шанс.
Какой? И где? И на какой сеанс?
Душа в восторге, словно в крике: – Го-о-ол!..
Всё. Нищ, свободен от оков и гол.

Уже не хочется судить, страшать,
а больше хочется щадить, прощать...
Но снится тот же сон: берут в тиски,
со скрипом выдирают из доски...

2

...Где судьба поставит точку?
Пью по слёзному глоточку.
Да с прикидом, да с поглядом –
на просвет и на глазок.

Сочетанье – самый сок
выси с сосенным разладом.
Хвою стрелами амура
и пинцетами несёт.
И секундомеров мука –
звон кузнечиков – цейтнот...

3

...Смотрю, а кажется – прощаюсь.
Должно, с кипением крови.
Всё это, что глаза вмещают,
уж не моё, как ни криви,
как ни крути... Весенним светом
в лицо смеётся мне луна.
Что остается? – Человеком
остаться до конца, до дна...

4

...Выстраданная тишина.
Бесполезные светофоры.
Эта... фетовская луна
такой безупречной формы.
Сиюминутные голоса,
смехи да разговоры...
Ты – вынесенный будто бы за
скобки, за рамы, за шторы...

...Вильгельм Карлович Кюхельбекер –
второстепенный русский поэт.
Ломает перья – зола и пепел –
в своем далече – иных уж нет.

Глаза большие – как из графина
увеличительного – из линз.
Дросида Ивановна – не графиня,
зато уютная такая близь.

Соседка шепчет, что, дескать, лучше
пушки бумажками шуршит как мышь.
Ни-ни по матушке, целует ручки,
не надрывается: «Шумел камыш...»

Всё протирая свои заплатки
на брюках – этакий сибирит, –
в страницы сеет седин закладки
для архивариусов – сидит.

Дитячий лепет и время лечат
от якобинской горячки лет.
Намедни сеятелем библейским
на пашне новый встречал рассвет.

Сибирь целебна, Сибирь огромна –
с землёй сравняет, как мать заспит.
Поэзия – моя соломинка
для утопающего и стыд!

Дай Бог терпенья. О, Пушкин, Дельвиг,
и Грибоедов... Как перст один.
Дряхлеет тело, глаза скудеют,
но зреет сердце – я христвянин!

...А там столица – как палец строгий.
Тут кедры, ели – синица, клест...
Земное бремя бревна сырого
отягощает плечо как крест...

У СВЕТОФОРА

...Коляска калеки в потоке машинном
нас мерит, коллеги, каким-то аршином.
Хозяин коляски лоснится от пота –
покудова «красный»! Что ж, тоже работа.

А ну, Христа ради, покудова «красный»,
ряды – правый крайний и средний. На лясы
нет времени, ясно, на скорбную мину.
Покудова «красный» – подвергнуть аршину.

Рука без оружья ладошкой всего-то
в окошко снаружи – в тепло и зевоту.
Измерит. Плевать. Все по вере получим.
Висит на плечах пугачёвский тулутик...

... В базарном потоке, брит да покаян,
Маньчжурские сопки играет баян.
Он в галстучке – имидж. А в жизни – буян.
Кормилец-поилец похмельный баян.

Потёртый баян, победивший в боях.
Базарный Боян – или с ним на паях.
Глядит в измеренье четвёртое он.
В каком-то презренье – коробки картон.

Заоблачной кружной дорогою, но
он музыку преображает в вино
и в хлеб повседневный – дежурный баян.
И не отвертесься от музыки нам...

...Отставной майор Мартынов
был поэтом слабым,
геростратовой постылой
прогремевший славой.

Хорохорился, бодрился
в молодые лета,
в перешёпотах – убийца –
взглядах злых – поэта.

Человека – не поэта,
был покойный колким,
оскорбительным – за это
заплатил покойный.

Хорошо за честь сражаться,
господин поручик!
...Роковая скора, дрязга,
бред, несчастный случай.

Правый бок пробила пуля,
рана задымилась.
В день пятнадцатый июля,
как в стихах: *наснилась*.

Занавесила, что скорбью,
грозовая темень
зеркала, да ливень горный
прорыдал, как Демон.

...Время лечит, но не это.
Ах, Мишель, ты ёрник,
и с того смеешься света
над седым майором.

Мемуары на досуге
с личной правотою
всё писал – то ль на день Судный,
для потомков то ли.

...Покаянно ставил свечи,
поминал, молился.
Отставной майор и – вечный
на посту убийца...

ОСЕНННЕЕ

1

...Листья – письма подмётные
(от глагола «мету»).
Лотерейную дворники
заметают мечту.

Что-то не умещается
в ямб-хорей... Как в глазу
влага телевестрадная
у певички Алсу...

2

...Тихая радость распада.
В огненной чертят тиши
листья спирали ада,
контуры, чертежи...

3

...Просветов синих
рыданье, плач...
Закат в осинах –
как в сетке мяч...

4

...Жёлтые шелесты.
Слёзные железы.

Голые кроны.
Соло вороны.

Лишний, последний
листик – как ценник...

5

...На костёр рябин сверну,
где вихляется убого
лист, как ценник на ветру,
да – молчание от Бога...

...Предки были не глупее нас,
 совершая глупости нередкие.
 Поживали профиль и анфас,
 очень не считая себя предками.
 Те превозносили до небес
 паровоз и прочие удобства, а
 эти, дескать, обойдёмся без
 прогрессирующего чудовища.
 И так называемая жизнь
 так же восседала на скамеечках.
 И мучительный зазубривала «изм»,
 и лузгой поплёвывала семечек.
 И царил какой-нибудь кумир
 над толпой. И – берклианство чистое –
 божий отражающийся мир
 жил в мозгу конкретненькой курсисточки.
 Правота живого – Боже мой –
 слёзная – подарена, отмерена!
 Кто-то отражается *живой*
 в роговице ездового мерина...
 Предки были не глупее нас,
 затевая эти революции.
 Что за хрен и редька ананас –
 надо же попробовать... А в сущности,
 в голове прелестной мир живёт,
 что покрыта шляпкою соломенной...
 В Туле оружейник пули льёт –
 как положено...

Ольге Валенчиц

...Пальцы тянутся к музыке,
утончаясь, умнея.
Мы, конечно же, узники,
только неба. Да – неба.

Эта лестница клавишней
в кущи райские, рощи.
И не словно играючи,
а играючи точно.

Эта лестница клавишней
в бездны адские, муки...
Да простят моим лапищам
твои тонкие руки...

ТОЧЕЧКА ОПОРЫ

...Над землёй неласковой
голосочек точится.
Это – первой ласточкой –
жаворонка точечка.

Скудным солнцем поймана,
как силками алчными,
виснет по-над поймами,
своловочными свалками.

Повернёмся передом,
постоим дотошными.
На глазок померяем
высоту до точечки.

Ни тебе росточекка,
ни листочка нежного.
Кроме этой точечки
опереться не на что...

...На обезлюдевшей лодочной станции
ах! тишина – самой высшей инстанции...

Не шевельнёт ни травинки, ни кустика,
ни отражения снежный молчок.
Консерваторская точно акустика –
пробует виолончельный смычок

ворон. И кротость вокруг – на заклание
жертвенный агнец с глазами воды.
Господи, тиши – как событие главное,
личное средь суетни, ерунды...

Вызов движению – дерзкая статика.
Мир не меняется и не течёт.
Трубный дымок... впрочем, он не считается,
видимый выдох – тоже не в счёт.

Ни поступательного движения
нету, вращательный также момент
напрочь отсутствует – оцепенения,
очарования монумент.

Лодки – как праздные ложки на скатерти.
Дачи – суфлёрские будки в снегу.
Как декорация: крошечный катер и
белые горы на том берегу.

Разом тряхнёт оголтелое карканье
сосен заснеженные меха,
и осыпается вертикальная
отражающаяся труха.

Злые снежинки шестиугольные
с визгом капризничают невмоготу
под сапогами. Сторож до колик и
корчей отхаркивает мокроту...

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

1

...Соловьи – они как прихоть:
отсвистали – снова ровно.
Спой свою мне песню ты хоть,
птица певчая ворона.

Стай птиц и листьев стаи
сдуло ветром – пусты кроны.
Ах, спасибо, вы остались,
птица певчая ворона.

Как же это... Облетает
всё плачевно-обречённо.
А в награду обретаем
птицу певчую ворону?

Все доступно взгляду – точно
истиною обнажённой
лес. И словно жирной точкой
птица певчая ворона!

Слёз душа полна... Заплакать
что ль готова без резона?
Полно, не пролью ни капли,
птица певчая ворона!

...Встану на пороге. Брови
вскинешь: – Где ты бродишь? – Трону,
обниму – впервые вроде –
птицу певчую ворону...

2

...Вот и дожди перевесили чашу.
Не удержать поредевшую чашу.

Радостный клён на тропу тихой сапой
нежно кладет пятипалую лапу.

В листьях и лицах, и флагах, что никнут,
осень протянута красною нитью.

И всё заметней на фоне – ютится –
местная в серых лохмотьях жар-птица...

3

...А осень немая всё гуще и гуще.
В оградах гогочут, галдят тут и там
в пожарной тревоге туманные гуси
и тянутся выями в высь, к небесам.

Так руки ломают впадая в истому,
шалеют и бесятся в смертной тоске.
Есть что-то высасывающее из дому,
обрыдлое в доску в заборной доске.

Немного отпустит и снова – как приступ.
Бьют крыльями как по карманам: – Пора!
Идут, переваливаясь, на приступ
забора, как будто под кличи «ура».

А было всё сыто и шито и крыто –
резное корыто и тёплый загон.
Всё выспренне настежь продуто, прорыто
в торжественный лоск голубым сквозняком.

Вон – снова смятенная мчит камарилья,
как будто от сладостных царственных розг.
И припоминают заетое крылья,
и в слёзной досаде колотится мозг...

4

...На что похоже: дождь и ветер.
Ты далеко не юный Вертер.
И листья ударяют в грязь
лицом. И жизнь не удалась.
А впрочем, что за термин? – Вертишь
и так и эдак. Всё же терпишь
простуду, стужу батарей,
на точку давишь «БАЙ-ХУЭЙ»...

5

...Скрадывает краски сумрак,
украшенья мир лишая.
Солнце – пятнышко лишая
йодистое. Время сумок.

Электричеством затыцится
в космы космоса квартира.
Буднична и беззащитна
речь, как текст без мотива.

Без витийства, без излишеств,
обнажённо, как без листьев...
Лишь дитя зубрит по долгу
службы все про «птицу-тройку»...

6

...Жалкие крохи сентябрьской зари
на цепенеющей радужной мухе.
Небо в прощальной длинноте и муке
аквамариновой и – сизари.

Шаткие жаркие клёны сквозят
и пустоту как руками хватают –
полунагие – чего не хватает? –
всё паникуя не сообразят.

Ветошь, обрезки, куски, лоскуты –
что-то кроится портняжное шустро...
Ну а в квартире – домашняя ты,
яркая вся в освещении люстры.

В кухонном яром чаду и пылу –
всепобеждающий запах укропный.
Знамя томатов в углу на полу.
Детское время домашних уроков.

Словно подсказанные, слова
на поводу повторяю как надо,
дескать, какая будет лафа
нам от солений и маринада.

...Свитер усталой и смелой рукой
в сторону стянешь – как будто дневное.
Волосы вспыхивают луной,
как на огне запалённая хвоя...

7

...Ты идёшь по осени
разгорячена.
Сумками-авоськами
вся окрылена...

8

...Уже следишь узорами подошв
по бездорожию – наглядно, странно.
И сердце всхлипывает так пространно,
что не поймёшь. Морозный дождь
шуршит одеждой, хвоей, настом... Рано
одолевает мрак. Рябина рьяно
краснеет, тщится. Подойдёшь,
и под язык аптечно – крохи, грана –
дражинку мёрзлую положишь – зябл и дошл...

9

...Нагие колени и локти – вчера.
Сегодня – уборы, плащи, свитера.

Как после оваций и после «ура» –
зеркальная сырость пустого двора.

Берёза цветная, как в кадре немом,
беззвучно раскачивается за стеклом.

Футболится уличный мусор и хлам...
Ну что ж, поживаем с грехом пополам.

Рассветы замедленные длины.
За поручни держимся, тёплые сны.

Озябший, обиженный солнечный свет
затоптан, замешан в разжиженный след.

Свободой пахнёт с облегченных аллей
на проходные фигурки людей.

Дыхание здимое нас и машин,
и псов – будто в говоре все как один.

Опять застигает рябиновый цвет
врасплох – лишь молчание можешь в ответ.

Круженье, юленье, падение ниц –
шуршанье отцветших газетных страниц.

В ненастье торжественнее вороньё,
но – всепоглощающе имя твоё!

Как жаром последним базарным обдаст
продажный огонь георгинов и астр!...

10

...Выйти с зевком за порог,
выдохнуть хмурый парок
в серое и пустое.

Мир – отражённый, двойной –
дождевой сыт по горло водой –
взыбком покое.

Нарисуешь – потом не продашь
в хмарь бездомный, смурной пейзаж,
жижу грязную под каблуками.
Морося пыльная, аэрозоль.
Мозг спелёнут, окутан в боль,
лишь глаза зеркалами.

То ли вечер уже, то ли рань –
стёрлась, смылась, втопталась грань.
Усечён небом строй тополиный.
И рукою подать – горизонт.
Будто фокус: женщина зонт
распустит хвостом павлиньим...

11

...Губы от завтрака-кофею
самодовольно сочны.
Всё-то чреватый Голгофою
мир очевидный очими.

Профили дыма топорные.
Вороном каркает грач.
Топится баня по-чёрному,
чадно и едко, хоть плачь.

Ветви слагают предзимние
злые кресты без прикрас.

Зеркалом пялится зримое
туго на яблоки глаз...

12

...Вновь природа облетела.
У природы декаданс.
Греки словом алетея
звали явное для глаз.

Алетея. Пепелищем –
в саже, копоти – пейзаж
проявляется из листьев
без прикрас да напоказ.

Отпечатываясь жирно
точкой ворона. Пока
не замельтешит снежинка –
как исход из тупика...

СНЕЖНОЕ ЛИСТАНИЕ

1

...С пятого этажа можно взирать слегка свысока,
под знамёнами красных и розово-бледных гераней,
на снегопада небесную манну, пока
очарование вместо углов, чётких линий и граней.

Чёрное выкарабкивается мухой из молока,
ослепевая, промаргиваясь нелепо.
Белая дрожь и вибрация, как от отбойного молотка.
Что же, и вправду – всё лето коту да лето.

Некий сантехник открыл до отказа кран.
Глаза растопыриваешь как от базедовой хвори.
Передачам каюк – мельтешит пустотой экран,
лишь герани горят вызывающе шапкой на воре.

Рот приоткрыт бесконтрольно, а ум посрамлен.
Всё-то ему поверять, извлекая корень.
Ах, снегопад – как забвенье со всех сторон!
То мелькающее-злющ, а то по-собачьи покорен.

Сборище хлопьев – что взвинченная толпа.
Вся как один, в площадном митинговом раже.
В окна заглядывают, чуть не касаясь лба –
чертвы их лиц различаются в промелькке даже.

Обман, дескать, всё да мираж про какой-то Оман,
Сочи с Парижами – прочие охи да ахи.
Длится и длится сентиментальный роман
недотроги-герани и снегопада-рубаки...

2

...Хлопьев тихие дары
засыпают как Помпеи.
Задубасили ковры.
Обеляются дворы.
Обновляются миры...
Сиротливый да похмельный,
пялившись как из дыры –
вне игры...

3

...Снег – как фарш из мясорубки.
Сумрак. Незажжённый свет.
Умирание от грусти.
Умаление на нет.
А душа скулит щенком
76 псалом...

4

...Ведёт себя послушно город сонный,
и будто бы награда – снегопад.
Летят на свет метельно хлопьев сонмы...
Но люди всё прохлопывают – спят.

Так захолустно глухо, пусто, тихо.
Ты одинок и бдителен как тать.
От спящего оторван коллектива,
что кажется предательство – не спать.

Снег весел и летуч, и всё же падок
на площадь, на деревья, скаты крыши.
И первобытной жутью меж лопаток
и по загривку пробегает тиши.

И слух твой сиротлив, печален, тонок.
И прямо в сердце кашляет ребёнок.
И в целом свете ни одна душа
знать о тебе не знает ни шиша.

И кажется, что что-то есть от драмы:
и в этом судорожном вздрагиванье рамы,
и в том, как безнадёжно гол и чист –
как снег под фонарями – белый лист.

И ночь... нет, жизнь идёт – по чьей программке? –
июля, скользя и не укладываясь в рамки
прокрустовы тоскливого листа,
и шансов нет ни одного из ста.

А мир ночной – доверчивый, лежачий.
И кажется, его всё жальче, жальче...
И снегопад, как запредельный гость,
баюкает, смиряет, гасит злость.

А после высечет троллейбус искру утра.
Зашаркаем, закашляемся мудро.
...Не выскочить из времени страны,
не глянуть, как сейчас, со стороны...

...Трубили портвейном, зашедши за угол,
как ангелы в судные медные горны.
Низринулись белые снеги на уголь,
хлеща как уборщица тряпкою мокрой.

Мелькая, листаясь страницами точно,
где мы, люди – как буковки, точки...
Сплошная мишень – молоко! – будто в тире.
Белёные стёкла окон – как в сортире.

Какие огромные прятки и жмурки!
Как кровоподтёк – светофор. Всё в ажуре
забвения, засыпа... Занавес века.
Усталое око. Закрытое веко...

6

...Разнуданно зевать в рассветное окно.
Да пятерёю всласть корябать заодно.

В небесном свете быт убог и виноват.
И лампочка горит – как стыд и срам в сто ватт.

С весёлым носом пёс конечность – дабы, чтоб –
наперевес занёс на столб со знаком «СТОП».

Калиткой баба – хлоп! – Топ-топ к ларьку. Летит
замедленная хлопь на шаль как на магнит.

Нет слов, чтоб уловить, облечь сие, оно...
Ах, гроздьями рябин всё зацеловано!..

Так вслушиваются (в исток вслушивается – устье)...

M. Цветаева

...Какая-то строчка иль формула
из прожитых жизней – из тех.
Как мука прапамяти – вспомню я –
за толщёй времён и помех.

За дрелью соседскою, бытом и
за детскими плачами – ах,
есть что-то тоскливо забытое,
которого нет в словарях.

Так грезит, должно быть, по целому
кусок, сиротливый фрагмент,
на грани усилия последнего,
догадки, наитья... ан нет...

Иль хаос: *до* – словное, древнее,
как зверь, шевелится в крови.
Так чувствуют листья, наверное,
заблудшие корни свои.

Я вспомню... За днями груженными
морокой... Болит голова...
Подручные до невозможности
поверхностные слова.

Поверхностные – таращаешься –
в цейноте – без толку, а зря –
на светы небесные ясения,
как мошка внутри янтаря.

Стоит колесо Иксционово.
Так очарователен свет.
На время запущенный(вспомню я!) –
ты *бего*(бег – Бог) человек.

Глядишь, уронивши конечности,
на новые как ворота.
– Ты вспомнишь, ты вспомнишь, конечно же, –
помаргивает звезда...

...От зари закатной – грустной, дальней –
комната становится янтарной,
вспыхивая корешками книг.

Озаряются деревья, люди, зданья,
закоулки-уголки сознанья...
грань, порог, цейтнот... загадки миг

сфинксовой. Жестокость в сей минуте
к нам, живым, забывшимся как будто,
выдающим уголь на-гора.

В телевизоре – страда эстрады,
там все бесконечно рады, рады,
как клубящаяся мошкова...

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ
(на мотив Высоцкого)

...Я не подпускаю к забору и миске,
и не допускаю крамольные мысли.
По долгу, призванью, породе – служака,
цепная да сторожевая собака.
Лай, гавканье, брызги счастливой слюны –
за родину, будку... Ах, кабы не сны...

А снится такое: не лая, а воя,
я плачу слезами. Оттаяла хвоя,
как в марте бывает. И, как ни корми,
в лес зыркают зенки из недр крови.
Да брезжит в сознанье мучительный толк,
догадка: во мне просыпается волк!

Нюх хищный, повадка, оглядка, подкорка.
Хозяйская косточка, чёрствая корка.
К себе возвращаюсь от миски и бака,
я больше не сторожевая собака,
как Богом задуман – поставьте свечу –
с усмешкой кривою на выстрел лечу...

...Душная музыка душу терзает и память.
Сердце в груди разрывается как взаперти.
Только и свету – как в пропасть в минувшее падать,
если уже ничего, ничего впереди.

Женщина эта – сквозь призму пропущенной водки –
призрачна суть – призывают прилично вести.
Только жующие челюсти, пьющие глотки,
да глаза, норовящие взгляд в декольте завести.

Расплываются дымом понятия – на что опереться?
Дать сознанию отчёт – все течёт – и опору ногам.
Ускользает родная земля из-под ног... Оперетка!
О, канальские рыла – кричат: – Отберите наган!

Всё к чертям, стало быть. Сколько пролито пота и крови.
Говори ты по-русски. Врагу не сдаётся «Варяг».
«Очи чёрные» лишь да кабак. Есть ли что-нибудь кроме?
Очи синие, впрочем. Плечо подставляют,
ведут, cher ami говорят...

1

...Ты помнишь, как цвели сады?
Как продолжение фаты!
Была ты вся бела, искрясь.
Был в «тройке» я – как грач и грязь.

И снова было утро. Мы –
два продолженья ночи, тьмы.
Среди напитанных гостей.
Среди обглоданных костей.

Задворки памяти, зады...
О боже, как цвели сады!
Не позабуду... до черты...
Ты помнишь, как цвели сады?..

2

...Квартирная глушь – как порожний сосуд.
Так было вчера и сегодня, и завтра
так будет. Из этих мгновений, секунд,
должно, тошнота зарождалась у Сартра.

Когда расширяется взгляд на закат,
и слух обретает масштабы вселенной.
И сентиментальная, как на заказ,
прохладой звезда осенит населенье.

Дурашливый, самодовольный клаксон –
и мне в том числе – проиграет ламбаду.
За чёрным потщится зелёным газон.
Сгущаются краски. Включаю лампаду.

Вернее – настольную лампу. В интим
укутаюсь книжный, стоваттный – как в кокон...
О боже! Что делать мне с телом моим,
ужасно моим и таким одиноким?

Пойду прогуляю. Цветущий жасмин
из тёмных углов настигает разбойно.
И, как декадентка, луна – иже с ним –
запястья заламывает так больно...

...Как археологические следы:
сухие пионы, заколка, гребёнка...
Я всю тебя выкупаю как ребёнка,
когда возвратишься журчащая ты...

3

...Я транжирию тебя, моя милая, жизнью своею.
Ты припудришь следы моего мотовства и, шутя,
зачеркнёшь всё былое помадным фломастером: «е, ю» –
как уроки фонетики зеркалу утренние выводя.

Каждый день возрождаешься ты из житейского пепла.
Не из пены морской –
из стиральной, наверное, ты поднялась.
Я смотрю – так мучительно великолепье.
Как лягушечью кожу, спалить бы твой будний халат...

4

...Опять тобой заполнено
бытьё моё отчаянно.
Балконными знамёнами
бельё твоё качается...

5

....Линий задиристые сочетанья
не по подобию моему.
Замысловатая душная тайна
недосягаемая уму.

За водопадом прозрачным, за ливнем
ты говоришь. Я – кивающе пуст.
Всепонимающим псом молчаливым
слушаю, слушаю музыку уст.

Шпилечек, щипчиков разнообразье –
я как туземец гляжу и дикарь.
Будто какие орудья пристрастья
иль хирургический инвентарь.

Все эти шторки, цветочки, стеклянки
для отвлечения глаз – разве нет?
Так поступают инопланетянки,
ибо всё тлен, суeta из сует.

Щёки румянишь не с этой ли целью?
Я – на упреки обидные «гость» –
будто проходчик, работая дрелью,
в стену вбиваю бессмысленный гвоздь.

Всё почему-то вращается возле –
вплоть до кота, – коль приносишь поесть.
В клеточках вечной невинной авоськи
что-то тоскливо тюремное есть.

Милая, вновь вопрошаю законно:
воду на чайную мельницу льёшь?
Стирку затеяла: звёздам с балкона
знаки сигнальные передаёшь.

Карты как будто сдаёшь: счёт купюрам
грустный проделываешь... Ну вот,
вновь не хватило – посмешище курам –
на одноместный хотя б звездолёт...

6

...Помнишь, то местечко?
Жизнь – почти беспечна,
Да к тому же – печка.

На случай мороза
воз – какая проза –
дров из леспромхоза.

Хоть слагай им оды,
чуркам – благородны –
дуб и бук! – породы.

В печь и для потехи
щёлкал как орехи.
А потом не грех и...

В доме – ах, чистюля –
то да сё – кастрюля,
 занавес из тюля...

Так и жили-были.
Только простофили,
оказалось, были.

Помнишь, дни-недели
в темноте сидели,
на огонь глядели?

...Что ж мы вспять, как раки?
Жили-то, не враки,
в проходном бараке...

7

...Давай с тобой поставим Ободзинского,
и сотворим пьянящую весну
из вечера зашторенного зимнего.
О, как оно, вино, тебе к лицу.

К гранатовому грузу ожерелия.
Как лошади усталые свели
свои объятья мы. Оранжерею
линяльные шпалеры зацвели.

Зашоренной обыденности узники,
как нынче разнуздались мы с тобой.
Пластинка вертит нами. Власти музыки
страшился, как известно, Лев Толстой.

Ах как удобна для ладони твоя талия!
Пусть повращается пластинкой юность дальняя.
Сквозь шипы, заикания, царапины –
вне времени, регламента и графика...

Давай с тобой поставим Ободзинского.
И чтоб глаза напротив... без конца...
Об эту жизнь, кругами абразивными,
искрят, стираясь, бедные сердца...

...Назавтра, как словами без мелодии,
ты протоскуешь: – Поменять обои бы...
В бокалах двух – следы, как эхо, винные:
– Давай с тобой поставим Ободзинского...

8

...Припомню в геенне адской,
под муки и скорбный глас:
ты мне голубые рубашки
покупала ко цвету глаз...

ПРОЗРЕНИЕ

...Слепая и злая вселенная
безглазою мукой полна.
Вселенная органом зрения
беременна и больна.

И хаос – пространством и временем.
И светом пронзительным мрак.
Творение бредит прозрением.
Как злак прорастающий – *зрак*.

Вещь жаждет понять и термина.
И слёзного ока – земля...
И божией тварью материя
взглянула сама на себя...

ГОЛОС

...Мы плесень случайная ленной вселенной.
Побочный продукт мирового пространства.
Паскалев тростник. И поющий Джон Леннон.
Зевок мирозданья. Плевок мирозданья.

От сырости всё возникает. Морзянка –
в глухие, холодные, страшные звёзды:
мы плесень, мы плесень – тоскливо и зябко, –
мы плесень поющая, льющая слёзы...

1

...От весёлого вина
да хмельного гама возле
оторвёшься взглядом на
отрезвляющие звёзды...

2

...Вынырнешь из духоты
трёпа, табачного чада –
канет в тебя с высоты
звёздочка
крохой
счастья...

...Влачит свой круг покорным пском троллейбус.
Вот и ещё один, разгаданный как ребус,
проходит день. Он сумерками длится.
Усталостью похожи наши лица.

Снег под ногою от людского шага
несвеже сер, как простыня в общаге.
И хочется сменить простынку вроде –
ко всем чертям – домам, душе, природе.

Сменить простынку, поменять пластинку.
Так далеко зима заходит под сурдинку.
И кажется, усталость правит балом.
Закат заморский жалуется алым...

Черны дома, деревья, люди – точно
они первопричина и источник
вечерней мглы – вороны и собаки,
и трубы ТЭЦ, и мусорные баки.

Мы разбредёмся, очереди заняв,
по магазинам, забегаловкам и баням.
Заката крохи – на тоскливой ноте.
И что-то вспоминаешь как в цейтноте.

Невидимые путы, цепи, сети
опутывают душу, душат – эти
зазубренные наизусть, до жути,
обыденные дни, слова, маршруты...

Фантазии недостаёт – кретины –
нам кроме этой заводной картины!
А может быть, иного нету, ибо
обречены на повторенья иго.

На колею земного повторенья.
В смиренье повторения – творенье?
...Влачит троллейбус круг путём избитым.
Вращается Земля терпя орбиту...

Игорю Мельникову

...Будто пенья за дальными далями
хорового чарующий глас –
то ли дети поют, то ли ангелы...
Рот открыт бесконтрольно, напялены
плёнки влаги на яблоки глаз.

Растворятся подробности, частности –
всё сторонкой пойдёт и бочком.
Миг пронзительной ясности, счастия...
Помельчают большие начальники
и шумы туалетных бачков.

Лишь сиреней цветы отражаются
в зеркалах набрякающих глаз.
Смесь прозренья, любви и прощания...
И не искра свечи зажигания –
Божья искра касается нас...

ПРОГУЛКА

...Часы ударили три пополудни,
не сразу до сознанья доходя.
Так вдохновенно голос логоса диктует
высокие субстанции в бумагу.
Приходится с усилием ставить точку.
На землю возвращаться из абстракций:
в *desein**.
Войнавойной – обед по расписанью.
Верней, прогулка, а потом обед.
Ах, как работалось! Как проникалось в эйдос.
Трактат почти готов.
О, это пенье каждой клеточки состава:
amor Dei intellectu * – как говорил старик-Спиноза.
Молюсь с благоговеньем на распятье.
Благодарю Создателя за искру,
которую он дал нам, человекам – искру разума –
что наполняет сердце гордостью и верой.
Не картезианскою гордыней.
Не *cogito* (самодовольство), *ergo sum*,*
*a cogitor a Deo, ergo sum.**
Он дал распоряжение фрау Лотте,
и вышел на разнузданное солнце.
Объятый хищным шумом многозвучной
сиюминутной площадной стихии.
О, Божий мир – оркестр гармоничный.
Где каждый партию играет в меру дара.
Мир, отражённый в роговице глаза
покорно ожидающего мерина.

Иль в простодушном карем взгляде спаниеля...
Не этими ль глазами Бог взирает?..
Мир исчезает с угасаньем духа.
Бог остаётся со своею глиной...
О, очевидность *hic et nunc** жизни.
Лелеющие зрение пейзажи.
О, этот лист кленовый пятипалый,
подножный подорожник – кожа мира.
Разъятье, разложение на части,
на атомы, молекулы, монады...
Чем глубже мы заглядываем внутрь,
тем головокружительнее тайна...
Он покосился на округлости красотки,
которая ребёнка поправляла –
неумещающиеся объёмы –
с испугом и растерянностью некой...
Роятся мысли как в июльском улье.
Ах, музыка – идея мирозданья.
Не колебания воздушной массы –
как пишут мантии увенчанные кафедр:
педанты, вивисекторы, тупицы...
Не в ухе дело – олухи глухие
Советов да учёных церемоний...
Его приветствуют поклоном: герр Профессор.
Он треуголку приподнимет отвечая.
Мысль улетает с-ума-сшедшая *ins All.**
Пришпоривают неотступно мысли –
быстрые чулки мелькают по аллеям.
Торжественно гуляют горожане,
мажорные двойные подбородки.
Цветок фонтана с пестиком амура –
уподобленье музыки вселенской.
Симфония очарованья ока.

Одномоментный рост и нисхожденье.
Фрагмент и целое. Поток и струйка.
Слеза восторга и слеза прощанья.
Пластающее блеяние козлищ
и ангельские трепеты эфира...
Присел на разогретую скамейку.
Прикрыл глаза устало на мгновенье.
Тепло лучей на веках ощущая.
Сии амурные и вкрадчивые стрелы.
Так благодарно созерцается и мнится
о красоте и жертвенности жизни.
Жизнь – клумба с обречёнными цветами.
Душа бессмертная – залог и оправданье...
Пора подумать, впрочем, и о теле.
Телятинка поди что разомлела.
Сlab человек und nackt* перед Всевышним.
Тут он увидел мальчика и няньку,
которая вела того за ручку.
Олигофрена мальчика – калеку.
И непонятно: что его сразило.
Не то чтобы увидел он впервые
явление такое: идиота.
Но он смотрел, смотрел заворожённо
сквозь слёзы на ужимки да гримасы.
Как будто что-то в нём обрушилось, сломалось...
И солнце чёрными лучами засветило.
За что? За что? За что **так человека?**..
Безвольного к греху дитя, ребёнка.
Несущего повинность первородства
уже своим простым существованьем.
Ведь человек немыслящий – есть камень.
Безблагодатный зверь с утробой алчной...
Понятно, что слова мои – гордыня.

Вопросы превышающие разум.
Но, Боже, как же, как несправедливо!..
Мозг – что тюрьма закрытая для света...
Он не узнает никогда блаженства мыслить.
Не оторвётся взглядом от страницы,
невидящие вперяясь в бесконечность,
всё мирозданье вмиг вмещая в душу...
Мир чёткие утратил очертанья.
Подкашивался, расплывался, меркнул...
Зияющими безднами чреватый.
Подвохами, изнанкой, подноготной...
Как комната с кривыми зеркалами.
Кошмарами Хиеронима Босха...
Вот этими – гуляющими чинно
убожествами под личиной важной.
Что человек? – Чудовище, химера?
Канава сточная иль основанье истин?..
Впивающийся мёртвой хваткой в скипетр.
И конкурирующий пышностью надгробий...
Опять чулки мелькают по аллеям
и полы развеваются как крылья.
...Мой разум бьётся по-язычески о стену.
Прости меня, о Боже милосердный,
за то что посягаю выше меры
пытливостью лукавой интеллекта.
Зачем болящее дано мне сердце?..

*desein – бытие-здесь (нем.).

*amor Dei intellectu – любовь к интеллектуальному Богу (лат.)

*cogito, ergo sum – мыслю, значит существую (лат.).

*cogitor a Deo, ergo sum – мыслюсь Богом, значит существую (лат.)

*hic et nunc – здесь и теперь (лат.).

*ins All – в бесконечность (нем.)

*und nackt – и наг (нем.)

СОДЕРЖАНИЕ

МАРШ ВАРВАРОВ.....	3
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВУЛКАНУ.....	4
«Меня родили – не спросили...».....	5
«Сосулек – ах – оскалы да...».....	6
БОЛЬНИЧНЫЙ ТРИПТИХ.....	7
«Лес талой сыростью знобит...».....	8
«Глянешь на окно – метель...».....	9
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ.....	11
ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД С СОЛОВЬИНОГО.....	13
«Спешки уличной пешки мы...».....	15
«Откуда пыль берётся?...».....	16
«В Вашем имени – синие ирисы...».....	17
«Бессонница – ты жалко...».....	18
СЧИТАЛКА.....	21
«В дни страстной седмицы бедной...».....	23
ОБЪЯВЛЕНИЕ.....	24
«Кукушка в мокрой чаще...».....	25
«Сумрачный взор византийских икон...».....	26
«Жизнь настоящая...».....	27
НАРЦИСС	29
«Ниша Христа – крест...».....	31
«О, кусанье локтей – сослагательного наклонения...».....	33
«Мог жизнь просвистать скворцом – пьян и сыт...».....	35
«В компании собственной тени...».....	37
«Bonjour, ma chere. Живу в своем углу...».....	38
КАЗНЬ АВВАКУМА.....	39
СПЕТАЯ ПЕСЕНКА ДОН ЖУАНА.....	40
«Словно псарня какая – чешет город собак...».....	42
«Расцвелась в аллеях липа...».....	43
«Лето – это веселящийся газон...».....	44
«Утро подымает человека...».....	45

«Очень скоро пойдет без меня...»	46
ВЕСЁЛЫЙ ФОТОГРАФ.....	47
«Холостяцкий разбитной дизайн...»	49
«Луна – что око со слезой...»	50
«Совпасть с самим собой...»	51
«А когда покажется жизнь что мед...»	52
«Махровые гортензии цветли...»	53
СТЕНАНЬЯ СТАРОГО ЛЕГАТА.....	58
КАФЕ-КУЛИНАРИЯ.....	60
ЮБИЛЕЙНОЕ.....	61
МАРТ.....	62
«От зари закатной – грустной, дальней...»	64
«Как сон иных времён, что снится, длится...»	65
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ.....	66
ВРЕМЕНА ГОДА.....	67
О ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ.....	70
РЕКЛАМА ТРЕНАЖЁРА.....	71
«Воздух августовский, тверёзый...»	72
«На рынке картошкой носы...»	74
«Уходит зима в водостоки. Отcejиваются...»	75
«Мне снится – меня хоронят...»	76
«Уже смотрю на мир как будто гость...»	77
«Вильгельм Карлович Кюхельбекер...»	79
У СВЕТОФОРА.....	81
«В базарном потоке, брит да покаян...»	82
«Отставной майор Мартынов...»	83
ОСЕННЕЕ.....	85
«Предки были не глупее нас...»	87
«Пальцы тянутся к музыке...»	88
ТОЧЕЧКА ОПОРЫ.....	89
«На обезлюдевшей лодочной станции...»	90
ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ.....	92
СНЕЖНОЕ ЛИСТАНИЕ.....	100

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД С СОЛОВЬИНОГО

«Какая-то строчка иль формула...»	104
«От зари закатной – грустной, дальней...»	106
ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ.....	107
«Душная музыка душу терзает и память...»	108
«Ты помнишь, как цвели сады?...»	109
ПРОЗРЕНИЕ.....	115
ГОЛОС.....	116
«От весёлого вина...»	117
«Влачит свой круг покорным псом троллейбус...»	118
«Будто пенья за дальними далями...»	120
ПРОГУЛКА.....	121

ОТО г.о. Тольятти “ТПО”, 2020

Стрелец Виктор Иванович

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД С СОЛОВЬИНОГО

Макет, верстка **В. Мисюк**

Отпечатано в АО “Первая образцовая типография”,

филиал **“УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ”**

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Заказ №

Подписано в печать 7.08.2020.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 8.

Тираж 200 экз.